

Н. А. Елеонский

**Очерки из библейской
географии**

**Часть 2. Представители
животного царства в Св. Земле**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н11

Н11 **Н. А. Елеонский**
Очерки из библейской географии: Часть 2. Представители животного царства
в Св. Земле / Н. А. Елеонский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 286 с.

ISBN 978-5-458-56371-0

ISBN 978-5-458-56371-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дѣнія о каждомъ изъ нихъ (3 Цар. 4, 33). И другіе мудрецы Израиля не уступали знаменитому царю въ основательномъ знакомствѣ съ живыми тварями, окружавшими ихъ, съ ихъ устройствомъ, съ ихъ нравами и съ своеобразными особенностями ихъ жизни. Отсюда-то въ ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгахъ мы встрѣчаемъ подробныя описанія напр. коня, бегемота и др. (Гов. гл. 38—41), указанія на характерныя особенности въ нравахъ и жизни муравьевъ, саранчи (Притч. 30, 25—28) и под. И слѣдуетъ сказать, что названныя описанія, несмотря на обиліе въ нихъ поэтическихъ выраженій и оборотовъ, отличаются замѣчательною точностію, которой удивлялись такіе естествоиспытатели, какъ Бюффонъ и А. Гумбольдтъ. Бюффонъ даже составилъ описаніе арабскаго коня, придерживаясь изображенія этого животнаго въ кн. Іова (Ewald, Das Buch Iob).

Обстоятельное и точное знакомство съ міромъ животныхъ имѣло большое значеніе въ духовной жизни Израиля. Давая здоровую пищу для ума, знакомство это вмѣстѣ съ тѣмъ служило руководителямъ духовной жизни народа прекраснымъ пособіемъ при раскрытіи правилъ нравственности. Пророки и мудрецы, обличая или вообще еврейскій народъ, забывшій о законѣ Божественномъ, или извѣстныхъ людей, зараженныхъ какимъ-либо особеннымъ порокомъ, нерѣдко указывали при этомъ на добрыя черты въ жизни животныхъ, упрекали своихъ беззаконныхъ и порочныхъ соотечественниковъ въ томъ, что они въ нравственномъ отношеніи сдѣлались ниже многихъ неразумныхъ тварей, и приглашали обличаемыхъ поучиться хотя у безсловесныхъ. Подобные приемы сообщали укоризнамъ и навиданіямъ особенную наглядность, живость и силу. «И аистъ подъ небомъ знаетъ свои опредѣленныя времена, говоритъ пр. Іеремія, и горлица и ласточка и журавль наблюдаютъ время, когда имъ прилетѣтъ; а народъ мой не знаетъ опредѣленія Господня» (Іер. 8, 7). «Пойди къ муравью, лѣнливый, поучаетъ Приточникъ, посмотри на

дѣйствія его, и будь мудрымъ. Нѣтъ у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя. Но онъ заготавливаетъ лѣтомъ хлѣбъ свой, собираетъ во время жатвы пищу свою» (Притч. 6, 6—8). Но особенно велико и важно было значеніе разсматриваемаго знакомства для религиозной жизни древнихъ Евреевъ. Созерцая дивное разнообразіе животнаго міра, присматриваясь къ устройству отдѣльныхъ тварей, къ образу ихъ жизни, лучшіе люди Израиля приходили къ непоколебимому убѣжденію во всемогущество, премудрости и благости Господа, какъ Творца и Промыслителя вселенной; а это убѣжденіе въ свою очередь оживляло въ нихъ вѣру, наполняло ихъ сердца чувствами преданности Господу, благоговѣнія предъ Нимъ. «Спроси у скота, и научить тебя, читаемъ мы въ кн. Іова, у птицы небесной, и возвѣститъ тебѣ; или побесѣдуй съ землею, и наставитъ тебя, и скажутъ тебѣ рыбы морскія. Кто во всемъ этомъ не узнаетъ, что рука Господа сотворила сіе? Въ Его рукѣ душа всего живущаго (Іов. 12, 7—10). Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! взываетъ псалмопѣвецъ, все содѣлалъ Ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ. Это море великое и пространное; тамъ пресмыкающіяся, которымъ нѣтъ числа, животныя малыя съ большими; тамъ плаваютъ корабли; тамъ вѣтотъ левіаѳанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ. Всѣ они ожидаютъ, чтобы Ты далъ имъ пищу ихъ въ свое время. Дашь имъ, принимаютъ, отверзаешь руку Твою, насыщаются благомъ. Сокроешь лице Твое, мнутъся; отнимешь духъ ихъ, умираютъ и въ персть свою возвращаются. Пошлешь духъ Твой, создаются, и Ты обновляешь лице земли. Да будетъ Господу слава во вѣки; да веселится Господь о дѣлахъ своихъ! Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь» (Пс. 103, 24—31. 33).

Благодаря указаніямъ библейскихъ писателей на нравы и обычаи различныхъ животныхъ, подробнымъ описаніямъ

многихъ изъ нихъ, мы имѣемъ въ Библии почти полный перечень представителей животнаго царства, обитавшихъ въ древней Палестинѣ, такъ что при составленіи обзора животныхъ Св. Земли Библия не можетъ не быть признана однимъ изъ первыхъ и лучшихъ пособій.

Обзоръ свой мы поведемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная, по примѣру Раумера (Palästina), съ животныхъ низшихъ—мягкотѣлыхъ и кончая высшими—млекопитающими.

Изъ мягкотѣлыхъ, обитавшихъ и доселѣ обитающихъ у береговъ свят. Земли, въ водахъ Средиземнаго моря, древніе Евреи знали тѣ виды раковинъ, которые содержатъ въ себѣ красящее вещество, извѣстное подъ именемъ пурпура. По крайней мѣрѣ послѣдній, т.-е. пурпуръ, былъ, какъ это видно изъ Библии, очень, хорошо извѣстенъ сынамъ Израиля и находился у нихъ въ постоянномъ употребленіи.

Пурпуръ, который считался драгоценностію во всемъ древнемъ мірѣ, добывался главнымъ образомъ изъ двухъ видовъ раковинъ; виды эти: *Виссіпум*, *κρηξ* (труборогъ, морская труба) и *ригруга*, *порфора* (пурпуровая раковина). Сокъ, извлекаемый изъ этихъ раковинъ, первоначально имѣетъ желтоватобѣлую окраску; затѣмъ, подъ вліяніемъ свѣта, онъ постепенно окрашивается въ зеленый, голубой и, наконецъ, въ красный цвѣтъ. *Виссіпум*, или труборогъ, доставляетъ, въ концѣ-концовъ, яркочерную краску. Пурпуровыя раковины, различаясь между собою по своему строенію, даютъ краску также разныхъ цвѣтовъ. Цвѣта эти: черный, точнѣе темносиній, и красный; затѣмъ—голубой и фіолетовый. Первые цвѣта—основные, послѣдніе — переходные. Краска, доставляемая труборогомъ, слабо держится на окрашенной матеріи и скоро линяетъ. Поэтому красящее вещество труборога обыкновенно смѣшивали съ красками пурпуровыхъ раковинъ и, благодаря такому смѣшенію, достигали не только проч-

ности колеровъ, но и большаго разнообразія цвѣтовыхъ оттѣнтовъ. Такъ, напримѣръ, путемъ подобнаго смѣшенія получался кровавокрасный пурпуръ. Именно для получения этого цвѣта, окрашиваемую матерію погружали сначала въ сокъ пурпуровыхъ раковинъ, затѣмъ въ сокъ трубороговъ; и окрашенная такимъ способомъ матерія носила названіе двойной багрянцы (*dibarpha purpura*); далѣе получался фіолетовый пурпуръ съ различными оттѣнками—съ оттѣнкомъ гіацинта, аметиста и под. Сверхъ того красильщики къ соку пурпуровыхъ раковинъ прибавляли другія стороннія вещества и добывали то лиловый пурпуръ цвѣта геліотропа, то краснотолубой—цвѣта мальвы и т. д. Наконецъ прибѣгали къ тройной окраскѣ и получали темные колера. Словомъ, цвѣтныхъ оттѣнковъ было множество; ихъ насчитываютъ отъ 30 до 40.

Пурпуровыя раковины обыкновенно ловились весной. Ловъ ихъ производился посредствомъ небольшихъ верпей, которыя съ кусками мяса или съ другаго рода приманками, опускались въ море. Мелкія раковины раздроблялись вмѣстѣ съ скорлупою; крупныя животныя отдѣлялись отъ скорлупы, разрѣзывались и изъ нихъ извлекался пурпуровый сокъ. Образовавшуюся такимъ образомъ жидкую массу солили и оставляли стоять дня три; затѣмъ ее варили въ свинцовыхъ сосудахъ на легкомъ жару, при чемъ, вмѣстѣ съ пѣною, снимали мясистыя и другія излишнія частицы. Варка продолжалась до тѣхъ поръ, пока опущенная въ варившуюся жидкость волна не окрашивалась въ желаемый цвѣтъ. Въ пурпуровыхъ краскахъ красился самый матеріалъ, изъ котораго уже потомъ приготовлялись ткани. Красилась преимущественно волна, или шерсть; иногда красили хлопокъ, ленъ, покровѣе—шелкъ; но послѣдній дурно воспринималъ и недолго сохранялъ краску. Окрашенный матеріалъ обыкновенно поступалъ на рынокъ, въ числѣ другихъ товаровъ, и продавался на вѣсъ. — Отдѣльная пурпуровая раковина содержитъ въ себѣ очень мало красящаго вещества, такъ

что потребно около десяти пудовъ раковинъ (болѣе трехъ центнеровъ) для того, чтобы окрасить надлежащимъ образомъ количество шерсти, не превышающее 60 фунтовъ. Поэтому окрашенный въ пурпуръ матеріалъ продавался очень дорого, и тѣмъ дороже, чѣмъ болѣе употреблено было на него красящаго вещества. Такъ наприм. количество (пурпуровой, фіолетоваго цвѣта, шерсти нѣсколько болѣе нашего фунта, продавалось, въ дни юности Корнелия Непота (первая половина 1-го в. предъ Р. Х.), за сто динариевъ (болѣе 20 руб. золотомъ на наши деньги), а то же количество тройной тирской окраски въ десять разъ дороже.

Ловля пурпуровыхъ раковинъ въ древности производилась, главнымъ образомъ, Финикіянами, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличались замѣчательнымъ искусствомъ въ окраскѣ матеріала въ различные цвѣта и въ приготовленіи пурпуровыхъ тканей. Финикіяне первые начали употреблять тройную окраску, и тирскія пурпуровыя ткани темныхъ колеровъ, иногда съ затканными серебряными нитями, были знамениты тѣмъ, что блестѣли на солнцѣ и переливались различными цвѣтами. — По Іудейскому преданію, содержащемуся въ Талмудѣ, ловлею пурпуровыхъ раковинъ и приготовленіемъ пурпуровыхъ тканей занимались также Евреи колѣна Завулонова, обитавшаго на берегу Средиземнаго моря.

Вслѣдствіе высокой цѣны матеріала, окрашеннаго въ пурпуръ, и ткани приготовленныя изъ этого матеріала имѣли въ древности ограниченное употребленіе. Ихъ или употребляли съ религіозными цѣлями для устройства священныхъ облаченій, или же онѣ шли на одежды лицъ царственныхъ и знатныхъ и служили внѣшнимъ признакомъ высокаго положенія этихъ лицъ въ обществѣ. У древнихъ Евреевъ окрашенный въ пурпуръ матеріалъ и приготовленныя изъ него ткани были почти исключительно предназначены для религіозныхъ цѣлей, при чемъ изъ всѣхъ разнообразныхъ цвѣтовъ пурпура Евреями отда-

вадось предпочтеніе двумъ основнымъ цвѣтамъ—темноси-
нему, или голубому, и пурпуровому, или красному. Такъ
въ числѣ добровольныхъ приношеній для потребностей
скиннн, Моисей повелѣлъ принимать отъ Евреевъ шерсть,
окрашенную въ голубой и пурпуровый (красный цвѣта
(Исх. 25, 4). Далѣе Моисеемъ было предписано приго-
товить, между прочимъ, изъ голубой и пурпуровой шер-
сти, для скиннн, тѣ десять покрываль, изъ которыхъ ски-
ннн должна была состоять, завѣсу для отдѣленія святи-
лища отъ Святаго-Святыхъ, входную завѣсу (Исх. 26, 1.
31. 36) и завѣсу для воротъ двора скиннн (Исх. 27, 16).
Затѣмъ, въ силу тѣхъ же предписаній Моисея, голубая
и пурпуровая шерсть шла на устройство первосвящен-
ническаго ефода, пояса къ ефоду, наперсника суднаго,
верхней ризы къ ефоду и украшеній для этой ризы; при
чемъ верхнюю ризу слѣдовало устраивать изъ одной го-
лубой ткани, а украшенія къ ней, или гранатовыя яблоки
плести изъ нитей голубыхъ, темноголубыхъ и пурпурныхъ
(Исх. 28, 5. 8. 15. 33). Наконецъ покрывало, въ которое
завертывались священные сосуды слѣдовало готовить изъ
голубой, а покровы для жертвенника изъ пурпуровой
ткани (Числ. 4, 12. 13). Сверхъ всего этого закопъ Мо-
исеевъ предписывалъ всѣмъ Израилтянамъ вплетать въ
кисти своихъ обычныхъ одеждъ нити, окрашенныя въ го-
лубой пурпуръ. Предписаніе это также имѣло въ виду
цѣль исключительно религіозную. Нити, окрашенныя въ
голубой, точнѣе въ темно-голубой цвѣтъ—цвѣтъ южнаго
палестинскаго неба, и вплетенныя въ обычныя одежды,
должны были постоянно напоминать Израилтянамъ, что
закопъ написанный для нихъ Моисеемъ, имѣетъ проис-
хожденіе небесное, данъ Господомъ, Богомъ небеснымъ,
и дѣлая имъ такое напоминаніе воздерживать ихъ отъ
нарушенія закона. «И сказалъ Господь Моисею, говоря:
объяви сынамъ Израилевымъ и скажи имъ, чтобы они
дѣлали себѣ кисти на краяхъ одеждъ своихъ въ роды
ихъ, и въ кисти, которыя на краяхъ, вставляли нити изъ

голубой шерсти. И будутъ онѣ въ кистяхъ у васъ для того, чтобы вы, смотря на нихъ, вспоминали всѣ заповѣди Господни и исполняли ихъ, и не ходили вслѣдъ сердца вашего и очей вашихъ, которыя влекутъ васъ къ блудо-дѣйству, чтобы вы помнили и исполняли всѣ заповѣди мои, и были святы предъ Богомъ вашимъ» (Числ. 15, 37—40). Объ употребленіи Евреями пурпурныхъ тканей независимо отъ религіозныхъ цѣлей Библия упоминаетъ очень рѣдко. И, какъ кажется, въ обыкновенной жизни онѣ, дѣйствительно, употреблялись въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ (Притч. 31, 22; Пѣс. П. 3, 10). — Съ религіозными цѣлями пурпурныя ткани были употребляемы и язычниками; язычники приготовляли изъ нихъ одежды для своихъ истукановъ (Перем. 10, 9) *). Кромѣ устройства священныхъ облаченій, пурпуровыя ткани употреблялись въ древности, какъ уже сказано, на одежды царственнихъ и высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, еще

*) Въ Еврейской Библии встрѣчаются два названія для обозначенія пурпура и матеріала, окрашеннаго въ пурпуръ. Названія эти: „техелевъ“ и „аргаманъ“ (tekheleth, argaman). Слово „техелевъ“ LXX и другіе греческіе переводчики передали словами ακινθος, ακινθινος (гіацинтъ, гіацинтовый). Но какой именно цвѣтъ слѣдуетъ разумѣть подъ гіацинтовымъ цвѣтомъ, трудно опредѣлять съ точностію. Древніе писатели сравнивали цвѣтъ гіацинта, или гіацинтоваго пурпура, то съ цвѣтомъ моря, то съ цвѣтомъ воздуха, то съ цвѣтомъ безоблачнаго южнаго неба и называли его темнымъ. Основываясь на этихъ сравненіяхъ, можно думать, что „техелевъ“ или гіацинтовый пурпуръ имѣлъ не голубой, а темно-голубой, или темносиній цвѣтъ, а быть можетъ и темносиній съ красноватымъ оттѣнкомъ, т.-е. фіолетовый. Еврейское „техелевъ“ въ русскомъ синодскомъ переводѣ Библии передано словомъ „голубой“ (п словами — „голубой и яхонтовый“ въ Исх. 28, 33), въ переводѣ о. Макарія словомъ „яхонтовый“, а греческія ακινθος, ακινθινος, въ славянскомъ переводѣ — словомъ синета. „Аргаманъ“, передаваемое греческими переводчиками словомъ „порфира“, значитъ яркочерный, кроваво-красный пурпуръ. Еврейское „аргаманъ“ переводчики русскіе передаютъ словами „пурпуръ“, „пурпуровый“; переводчикъ славянскій греческое „порфира“ словомъ „багряница“.

во времена Судей, цари Мадіамскіе носили пурпуровыя одежды (Суд. 8, 26). Въ одежды темноглубаго цвѣта одѣвались Ассирійскіе областеначальники и градоправители (Иезек. 23, 6). Вавилонскіе и Персидскіе цари награждали пурпуровыми одеждами въ знакъ особеннаго своего благоволенія и при назначеніи на высшія государственныя должности. Такъ Вавилонскій царь далъ обѣщаніе, въ знакъ своего благоволенія, облечь въ багряницу того, кто объяснитъ ему смутившее его сновидѣніе, и когда прор. Даниилъ объяснилъ сонъ, царь дѣйствительно повелѣлъ облечь пророка въ пурпуровую одежду и провозгласить его третьимъ властелиномъ въ государствѣ (Дан. 5, 7. 16 29), Мардохей, заслужившій благоволеніе въ глазахъ Персидскаго царя и занявшій при царскомъ дворѣ высокое положеніе, получилъ право носить царскія пурпуровыя одежды (Есѣ. 8, 15). — Подобное же значеніе пурпуровымъ одеждамъ придавали цари изъ династіи Селевкидовъ. Такъ царь Александръ Вана, назначая Іонаана Маккавса первосвященникомъ, прислалъ ему пурпуровую одежду; также поступилъ относительно Іонаана Антиохъ, относительно Симона Димитрій (1 Макк. 10, 20. 62. 64; 11, 58; 14, 43. 44).—Съ развитіемъ роскоши въ Римской имперіи, одежды изъ пурпуровой ткани стали носить и частныя состоятельныя лица (Лук. 16, 19), несмотря на императорскіе указы, или вовсе воспрещавшіе ношеніе нѣкоторыхъ сортовъ этой драгоцѣнной ткани, или дозволявшіе ея употребленіе только высшимъ почетнымъ и должностнымъ лицамъ. Впрочемъ современники Христа Спасителя продолжали считать пурпуровую одежду признакомъ царскаго достоинства, и потому воины, насмѣхавшіеся надъ Господомъ Іисусомъ, возложили на Него, какъ на царя Іудейскаго, нѣчто подобное багряницѣ (Марк. 15, 17. 20; Іоан. 19, 2. 5).

Сокъ пурпуровыхъ раковинъ, какъ драгоцѣнный красильный матеріалъ, сохранялъ все свое значеніе очень долго. Но въ средніе вѣка пурпуръ мало-по-малу началъ

уступать мѣсто другимъ красящимъ веществамъ, каковы индиго, кошениль и друг. Въ настоящее же время, съ примѣненіемъ къ окраскѣ тканей красокъ металлическихъ и анилиновыхъ, о пурпурѣ вовсе забыли; сохранилось почти одно его названіе, и то лишь у поэтовъ для обозначенія одного изъ оттѣнковъ краснаго цвѣта. Что касается самыхъ раковинъ, то онѣ и доселѣ продолжаютъ водиться во множествѣ, между прочимъ, у береговъ Палестины. Во время бурь волнующееся Средиземное море выбрасываетъ ихъ цѣлыми массами на прибрежный песокъ въ окрестностяхъ Яффы, гдѣ онѣ и гниютъ, никому теперь и ни на что не нужны. (Herzog, Real-Encyclopädie. В. XII, s. 398—404; Riehm, Handwörterbuch des Bibl. Altertums, s. 1246—1250).

О червяхъ палестинскихъ Библия упоминаетъ перѣдко, но говорить о нихъ лишь вообще, нигдѣ почти недѣлая указаній на отдѣльные ихъ виды.—Въ Библейскихъ книгахъ черви изображаются вредными, причиняющими страданія, отвратительными и вмѣстѣ съ тѣмъ ничтожными тварями. Черви уничтожаютъ виноградные грозды (Второз. 28, 39), заводятся въ язвахъ, которыми бываютъ покрыты прокаженные (Іов. 7, 5), вообще въ больномъ человѣческомъ организмѣ, и разъѣдая его, причиняютъ мучительную смерть (2 Макк. 9, 5 и сл. Дѣян. 12, 23); они гнѣздятся въ трупахъ и питаются ими (Іов. 24, 20; Иса. 14, 11; 66, 24).—Имѣя въ виду ничтожество этихъ омерзительныхъ тварей, древніе Израильтяне сравнивали себя съ ними въ тѣ минуты, когда живо сознавали свое безсиліе, свою беспомощность и вслѣдствіе этого были снѣдаемы глубочайшею тоскою. «Я червь, а не человѣкъ», взываетъ, наприм., всѣми оставленный и презираемый псалмопѣвецъ (Пс. 21, 7); «вотъ даже луна и та несвѣтла, и звѣзды нечисты предъ очами Бога; тѣмъ менѣе человѣкъ, который есть червь», говоритъ Іовъ, подавленный душевными и тѣлесными страданіями (Іов. 25, 5, 6).

Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ видовъ червей Библія называетъ только одинъ, именно пѣвокъ. Извѣстно, что пѣвки любятъ теплую кровь; разъ впившись въ тѣло животнаго, или тѣло человѣка, онѣ, не отнятыя вовремя, до такой степени переполняются кровью, что издыхаютъ. На этомъ свойствѣ пѣвокъ основано ихъ употребленіе въ медицинѣ. Имѣя въ виду такую безграничную алчность, Приточникъ и указываетъ на пѣвокъ, какъ на символъ ненасытимости, при чемъ сопоставляетъ съ ними преисподнюю, бесплодную утробу, сухую землю и огонь, которые, по его словамъ, также ненасытимы, и никогда не скажутъ «довольно» (Притч. 30, 15. 16) *).

Изъ *паукообразныхъ*, имѣвшихъ и имѣющихъ многочисленныхъ представителей въ Палестинѣ, въ Библейскихъ книгахъ нѣсколько разъ упоминается о паукахъ вообще, точнѣе о ихъ паутинѣ. Паутина, производимая пауками, обращала на себя вниманіе древнихъ Евреевъ со стороны своей легкости и неустойчивости и, рассматриваемая со стороны этихъ свойствъ, служила для нихъ символомъ всего непрочнаго, быстронсчезающаго и совершенно непригоднаго на что-либо полезное. «Упованіе забывающаго Бога подѣлочно, говоритъ Іовъ, увѣренность его—домъ

*) Еврейское слово „алука“, употребленное приточникомъ (30, 15), переведено словомъ „пѣвка“ у LXX (σβελλα) и въ другихъ греческихъ переводахъ, у Иеронима (словомъ sanguisuga), арх. Макарія, въ славянскомъ (съ греческаго). Въ русскомъ переводѣ Библии, изданномъ св. Синодомъ, слово „алука“ передано словомъ „ненасытимость“. Такое различіе въ переводахъ произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что евр. „алука“ принадлежитъ къ числу словъ, только однажды употребленныхъ въ подлинномъ ветхозавѣтномъ текстѣ (אפאז לעווענען); притомъ слово это употреблено въ такомъ мѣстѣ, которое отличается темнотою и потому различно объясняется толковниками. Но какой же переводъ правильнѣе? Нужно полагать, что переводъ LXX, какъ древнѣйшій, тѣмъ болѣе, что въ пользу его правильности говорить, между прочимъ, словоупотребленіе Талмуда, гдѣ слово „алука“ значитъ именно „пѣвка“ (Keil und Delitzsch, Bibl. Commentar. IV Th., III. B. s. 498—5 00.)